

...А ПИСАТЬ ХОТЕЛОСЬ БЫ СМЕШНОЕ

К 150-летию со дня рождения Н. С. Лескова

Слова, вынесенные в заголовок, принадлежат Николаю Семеновичу Лескову и содержатся в письме, адресованном Льву Толстому. «А писать хотелось бы смешное, — признавался Лесков, — чтобы представить современную пошлость и самодовольство». К этому времени (1893 год) за плечами художника лежала большая и трудно прожитая жизнь. Уже были изданы и «Мелочи архиерейской жизни», и хроника «Смех и горе», и «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе», и «Леон — дворецкий сын», и «Полуночники», и многие другие произведения, обличавшие различные стороны российской действительности, но художник по-прежнему остро ощущал потребность высмеять все, что считал неприемлемым и для себя, и для страны, которой верно служил многие десятилетия.

Если существует слово, которым можно определить самое существенное в творчестве Лескова, то это слово «неистовость». Лесков беспокойно и последовательно обращал свой взор прежде всего на то, что искажало нормальное течение русской жизни.

В одной из ранних своих статей — рецензии на роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» Лесков сформулировал принцип, верность которому пронес через всю жизнь, — всегда выражать «собственное мнение, ни от кого не занятое и никем не навязанное насильно, по системе новейшего либерализма». «Собственное мнение» для Лескова — это страстная убежденность в правоте отстаиваемых позиций, это редкая для человека небоязнь признанных авторитетов. О чем и о ком бы ни писал Лесков — о духовенстве или жандармах, либералах или нигилистах, — он всегда опирался на собственный здравый смысл («некоторое здравомыслие», как заметил он в одном из писем к А. С. Суворину), который во все времена служил добрую службу писателям-сатирикам. Показательна в этом отношении широкая сатирическая панорама пореформенной России, созданная писателем в повести-обзоре «Смех и горе». История жизни Ореста Марковича Ватажкова, рассказанная им самим, позволяет писателю дать социальный разрез русского общества: вот «голубой купидон» жандармский капитан Постельников, по доносу которого героя подвергают аресту и ссылке, а затем отправляют служить в армию; вот становой Васильев, полицейский чин новой формации, скорбящий по поводу взыскиваемых им недоимок («очень тяжело, но ведь во всяком случае видеть

эти страдания и скорбеть о своем бессилии отвратить их все-таки легче, чем быть их инициатором. Моя обязанность все-таки легче: я машина, да-с, я ничто другое, как последняя спица в колеснице»; вот доктор Остроженский, убежденный, что «непомерная смертность идет от хорошего свойства пищи, и мужики сами это знают»; вот представитель уездной интеллигенции чиновник Готовцев, утверждающий: «Наш народ еще, слава богу, глуп, с ним еще, слава богу, жить можно».

Петербург, Москва, провинция, литература, театр, общественная мысль — широкий диапазон сатирического воспроизведения действительности в хронике «Смех и горе». Одним из первых в русской литературе Лесков-сатирик прямо и недвусмысленно говорит: реформы мало что изменили в социальном нравственном положении русского общества. По-прежнему убога и забыта деревня, по-прежнему господствует в стране сыск, произвол, бюрократия. Гражданин, рдеющий о судьбах родины, писатель точными и верными штрихами набрасывает картину духовной жизни Петербурга («либерализм так и ходит волнами, как море; страшно даже, как бы он всего не захлестнул, как бы им люди не захлебнулись»), положение в русской прессе («один день прочитал, другой прочитал, нет, вижу — странно; за человеческий смысл стал опасаться»), состояние столичной сцены («автора сточайше разругали за эту пьесу. Спрашивал сведущих людей: за что же он изруган? За то, чтобы правды не говорил, отвечают... Какая дивная литература с ложью в идеале!»).

В последующих своих сатирических произведениях — очерках, повестях, рассказах, романах, памфлетах — Лесков усиливает критику существующего в России порядка вещей. И здесь необходимо обратить внимание на две литературоведческие легенды, связанные с именем писателя и имеющие, увы, хождение даже в наши дни. Легенда первая: Лесков был писателем-анекдотистом, собирателем разного рода историй, анекдотов, «бывальщины», мелочей и до конца своей жизни так и не смог подняться до серьезного и глубокого анализа русской действительности. Спустя два года после смерти писателя рецензент народного журнала «Русское богатство» ничтоже сумняшеся утверждал, что имя Лескова постепенно забывается, ибо кроме причудливых рассказов о забавных эпизодах русской старины этот писатель ничего обществу и литературе не оставил.

На первый взгляд, упрек кажется обоснованным. «Мелочи архиерейской жизни», «Леон — дворецкий сын», «Зимний день», «Административная грация», «Полуночники», «Путешествие с нигилистом», «Левша» — какое пестрое собрание фактов, «мелочей» из жизни различных слоев русского общества! Какие любопытные сведения из жизни конкретных исторических деятелей, какое разнообразие намеков на события, реально имевшие место! Но стоит прислушаться к тому, что говорят герои, стоит внимательно приглядеться к их поступкам, чтобы понять, что, собранные воедино, «мелочи» оказываются серьезным обвинением господствующему в обществе положению дел.

Лесков не был последователем и сторонником революционной демократии, и тем не менее его сатирическое творчество имеет немало точек соприкосновения с сатирой М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Глубоким и серьезным исследователем, русской действительности предстает Лесков в памфлете «Загон». Уже сам собирательный образ загона для скота, которому сатирик уподобляет

Россию, говорит об остроте и глубине публицистического замысла писателя. Доморощенные теоретики красного патриотизма хотели бы видеть Россию изолированной от остального мира. Как и ранее в «Левше», Лесков показывает опасность национальной самоизоляции, противопоставление одного народа другим. Полемизируя как с «почвенниками», так и с народниками, писатель опирается на концепцию, близкую М. Е. Салтыкову-Щедрину и другим революционным демократам.

Так появляются в памфлете «Загон» «теоретики», пропагандирующие избы и целебные свойства лоснящейся сажки, собранной в этих избах. Так появляется злобная в своей невежественности тупость и извращенности фигура «обрусителя» Мифима, порожденного торжествующей покорностью одних и ложью и фарисейством других. Глубина социальных характеристик «Загона» заставляет скептически отнестись к признанию писателя: «С Гоголем и с Салтыковым меня не раз сравнивали, но не знаю, достоин ли я этого?». Самые существенные стороны жизни России запечатлены в произведениях Лескова-сатирика.

В то же время изучение сатирических произведений писателя позволяет говорить о том, что сугубо социальный анализ никогда не был самоцелью для Лескова.

Писателя всегда интересовала личность. Очень часто — конкретная историческая личность (отсюда, кстати, и тяготение к анекдоту, «бывальщине», документально подтверждаемым фактом и событием). Но Лескова не просто занимает индивидуальная неповторимость той или иной конкретной исторической фигуры. Сатирик всегда рассматривает человека в системе определенных социальных координат. Так в творчестве Лескова происходит соединение двух планов — социального и нравственного.

Архиерей, сельский дьячок, полицейский чин, земский деятель, богатая купчиха, приживалка, мешанин интересуют писателя прежде всего как носители определенных нравственных установок. Знаменательно, что Лесков обращается прежде всего к сатирическому изображению тех слоев общества, которые, по мысли писателя, в максимальной степени ответственны за духовно-нравственное развитие общества. Именно поэтому в центре внимания Лескова оказывается церковь (инструмент духовного воздействия на личность); государственный аппарат (инструмент административного воздействия), торгово-промышленное сословие (аппарат экономического влияния на общество). Лесков прекрасно знал русскую действительность, богатый жизненный опыт и чутье мастера позволяли ему

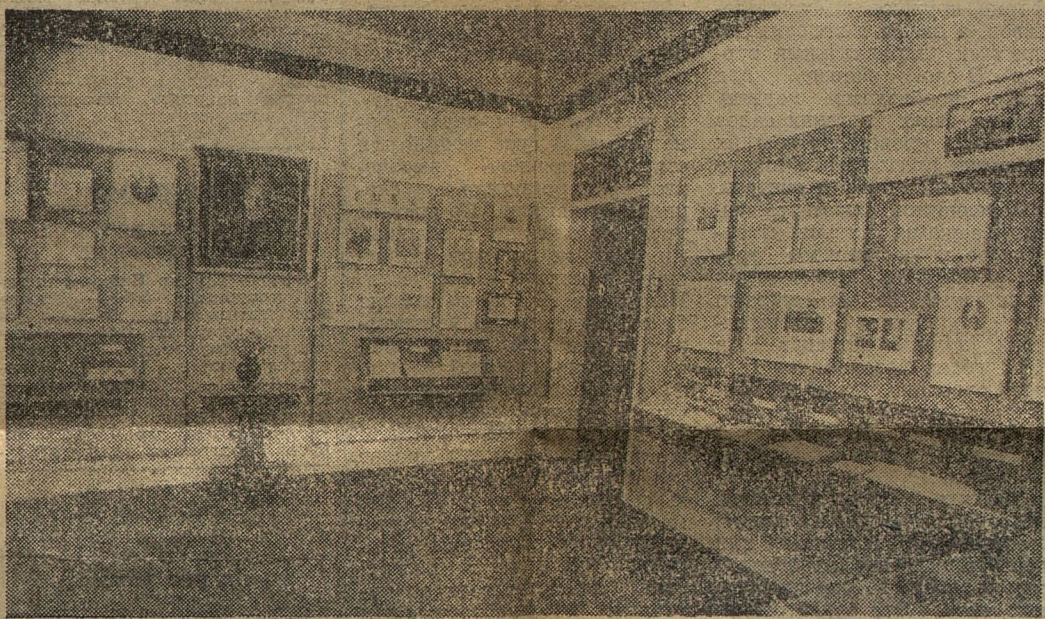
точно и тонко воспроизводить человеческие характеры, подробности жизни и быта самых разных сословий русского общества.

Видимо, это обстоятельство дало основание для появления второй легенды о Лескове: Лесков — писатель-бытовик, и, следовательно, сатира у него в основном бытовая. Обе эти легенды тесно связаны между собой: писатель-анекдотист не может быть социальным аналитиком, его удел — бытописание. Между тем быт никогда не был предметом самостоятельного исследования Лескова-сатирика. Да, в произведениях писателя немало примет своего времени, и мы узнаем, как одевался современник, что он ел, что читал. Но главное — узнаем, о чем думали, что чувствовали герои Лескова, чем продиктовано их поведение в определенных социальных обстоятельствах.

Свое внимание Лесков сосредоточивает на изображении «среднего человека», составляющего значительную часть общества: человека, чье нравственное состояние определяет во многом пути развития общества в целом. Таким образом, нравственный моральный угол зрения, характерный для взгляда Лескова-сатирика на личность героя, определял и бытийный характер лесковской сатиры, обладающей важной особенностью: почти в каждом произведении отрицательным персонажам противопоставит положительный герой. Известно, что автор «Соборан», «Очарованного странника», «Запечатленного ангела», «Тупейного художника», «Леди Макбет Мценского уезда» в своих несатирических произведениях отчетливо обозначил интерес к личности, одухотворенной либо сильным чувством, либо жадной деятельностью, творчеством.

Любовь к Родине, вера в неизбывные силы народа придавала сатирическому творчеству Лескова оптимистический характер. Обличая, высмеивая излагающуюся, исподличавшуюся российскую действительность, писатель — патриот страстно мечтал о России свободной, нравственно-цельной, несущей мир и счастье всем живущим на ее просторах.

Л. КРОИЧИК.
Доцент Воронежского государственного университета.

На снимке: в доме-музее Н. С. Лескова.
Фото Л. ТУЧНИНА.